

Государственный проектный институт испокон веков стоял у истоков масштабного инфраструктурного строительства в стране. На его счету — бесчисленные государственные награды и признание, а его ведущие специалисты регулярно читали лекции в престижнейших вузах.

Но даже для такого колосса официальное приглашение от Королевского института британских архитекторов стало первой вехой подобного рода.

Основанный в 1834 году, в эпоху наивысшего расцвета британского зодчества, этот институт объединил под своей эгидой величайшие умы эпохи. Плоды их трудов заставили содрогнуться от восхищения весь мир, закрепив за RIBA статус одного из самых авторитетных профессиональных сообществ в Европе и за её пределами.

Королевский институт не занимается обучением и не подгоняет творцов под единую шкалу оценки. Он сам — живое мерило и эталон западного архитектурного искусства.

Сотрудники канцелярии с предельной тщательностью изучили оттиск печати на приглашении, сверили адреса и контактные телефоны с официальным сайтом RIBA. Сомнений не оставалось: документ был подлинным.

— Как думаете, не приложил ли тут руку господин Инь Чжили?.. — негромко озвучил общую мысль один из сотрудников.

Договаривать не требовалось — коллеги понимающе закивали.

Спроектированный Люй Фэном мост Горы Черного Воробья совсем недавно произвел фурор в отечественном мостостроении, породив волну колоссальных ожиданий.

Профильные издания наперебой обсуждали тернистый путь согласования проекта и восторгались гениальной конструкцией серпантинного моста.

Внезапный полет конструкторской мысли молодого инженера поразил умы профессионального сообщества, поэтому при виде столь престижного приглашения все невольно вспомнили о его наставнике — выдающемся Инь Чжили.

Будучи китайцем, старейшина Инь Чжили благодаря своим непревзойденным заслугам заслужил статус почетного члена Королевского института британских архитекторов.

То, что он завоевал столь прочные позиции в цитадели западной эстетики, долгие годы служило источником глубокой гордости для его соотечественников-коллег.

Ведь британский институт, овеванный аристократическим флером и пропитанный традиционной западной спесью, прежде не раз высказывался о китайской архитектуре с

легким пренебрежением.

И именно этот почтенный старец, разменявший седьмой десяток и увенчанный всевозможными лаврами, заставил мировых мэтров изменить свое мнение. Своими глубоко поэтичными, самобытными проектами он вновь обратил взоры европейских эстетов к величию китайского зодчества.

Серебро на его висках гармонировало с мягкой, интеллигентной манерой общения, свойственной истинному китайскому литератору старой школы.

Он не нуждался в новых регалиях или славословиях — само имя Инь Чжили давно превратилось в синоним высочайшего архитектурного мастерства.

На международных симпозиумах он неустанно и с гордостью воспевал гений традиционной китайской архитектуры.

— Наше современное зодчество стремительно наверстывает упущенное за целый век забвения, — без ложной скромности заявлял он. — Очень скоро китайские инженеры заявят о себе так громко, что весь мир содрогнется от изумления.

В мире архитектуры, где безраздельно доминировал Запад, старейшина Инь, должно быть, чувствовал себя одиноким воином.

Если бы не его потрясающие шедевры, дышащие классической гармонией Востока и доказывающие правоту его слов делом, подобные амбициозные заявления сочли бы заносчивой нелепостью.

И вот теперь, стоило государству утвердить проект моста Горы Черного Воробья, как из недр RIBA пришло приглашение. Стоит ли удивляться, что мысли коллег потекли именно в этом направлении?

Сотрудники канцелярии, поохав и подивившись, поспешили отложить праздные разговоры о Люй Фэне.

Официальный конверт незамедлительно лег на стол руководителя института.

Товарищ Ли Чжэнъе, который и без того несколько дней ходил сам не свой от радости за проект моста Горы Черного Воробья, при виде британской бумаги окончательно расцвел.

В Китае один за другим вырастали сложнейшие архитектурные ансамбли, однако мировое сообщество упорно обходило их признанием.

Внимание со стороны столь влиятельной европейской организации было редким шансом, способным всколыхнуть всю отрасль.

Не теряя ни минуты, Ли Чжэнъе распорядился:

— Срочно созывайте глав всех филиалов! Проведем экстренное совещание!

Никогда прежде руководству Государственного проектного института не доводилось собираться в столь полном составе ради одного-единственного письма из Лондона.

По столу зашуршали свежие копии документа. Вглядываясь в строчки, присутствующие довольно улыбались.

— Королевский институт британских архитекторов... Тут явно не обошлось без протекции старейшины Иня?

— Да какая разница, чья это инициатива! Ехать нужно обязательно. Отечественные проекты вышли на высочайший уровень, грех упускать возможность показать себя на столь престижной площадке!

— А каковы конкретные требования британской стороны? Они хотят, чтобы Люй Фэн представил инновационные решения моста Горы Черного Воробья, или же?..

Радость в зале тесно соседствовала с легким сомнением.

Все-таки Люй Фэн — преданный ученик Инь Чжили. Вполне вероятно, что маститый наставник просто решил составить протекцию молодому дарованию и продвинуть его свежий проект.

Выслушав коллег, Ли Чжэнъе тепло улыбнулся:

— Наша канцелярия уже связалась с Лондоном. Нам предложили отобрать наиболее выдающиеся современные проекты Китая — будь то уникальные здания, мосты или передовые градостроительные решения — для прямого диалога с ведущими мировыми мастерами. Это личная инициатива национального совета RIBA. Разумеется, старейшина Инь Чжили замолвил за нас слово, но... не будь у нашей страны действительно значимых достижений в строительстве, они бы не прислали столь весомый и официальный запрос.

Разъяснения директора развеяли последние сомнения.

Обстановка в зале мгновенно оживилась. Главы филиалов наперебой начали предлагать знаковые отечественные проекты, готовые к демонстрации на мировой арене.

Ехать! Причем подготовиться так, чтобы показать товар лицом и отразить подлинную мощь современного Китая.

Архитектурный филиал взял на себя подготовку презентаций сложнейших знаковых высоток, приковывающих взгляды урбанистов со всего света.

Дорожники решили удивить европейцев комплексными решениями для мегаполисов и интеллектуальными системами управления транспортными потоками.

Специалисты мостостроительного филиала, тщательно изучив собственное портфолио, остановили выбор на двух триумфах: мосту Извилистого залива, два года назад потрясшем мировое инженерное сообщество, и перспективном мосту Горы Черного Воробья, чья стройка должна была вот-вот начаться.

Подготовка к заграничной командировке шла полным ходом — бурно, но без лишнего шума.

На традиционной понедельничной летучке мостостроительного филиала директор У Инци наконец взял слово и торжественно объявил:

— Слово предоставляется нашему новому сотруднику, товарищу Люй Фэну. Просим на трибуну для приветственной речи!

Конференц-зал взорвался аплодисментами. Люй Фэн поднялся со своего места и направился к кафедре, чувствуя легкую... неловкость.

Он мог часами увлеченно чертить схемы, отстаивать конструктивные решения и рассуждать о сопромате перед любой аудиторией.

Но говорить о личном, раскрывать душу перед ветеранами китайского мостостроения — к этому он готов не был.

Когда Люй Фэн только узнал о необходимости выступления, он робко попытался откrestиться от этой почетной обязанности в кабинете У Инци:

— Директор У, а можно обойтись без трибуны?

— Исключено! — отрезал тот, напустив на себя суровость. — Это нерушимая традиция нашего филиала. Каждый новичок должен заявить о себе, поделиться планами и немного раскрыть свой характер. Только так можно по-настоящему влиться в коллектив.

В итоге Люй Фэн получил методические указания по «сближению с массами» и добросовестно набросал текст объемом около восьмисот иероглифов.

Однако после теплых директорских правок, отеческих напутствий и щедрых дополнений...

Доклад разросся до внушительных трех с лишним тысяч слов.

Три тысячи шестьсот слов.

Оказавшись перед лицом коллег, с которыми за время практики уже успел сработаться, Люй Фэн опустил взгляд на листы бумаги и начал читать:

— Приветствую вас, коллеги. Меня зовут Люй Фэн, и с сегодняшнего дня я официально заступаю на должность инженера-проектировщика мостостроительного филиала. Для меня огромная честь стоять здесь. Наконец-то сбылась моя давняя мечта — стать частью этого великого коллектива и плечом к плечу с вами создавать будущее китайской инфраструктуры.

В зале воцарилась чуткая, уважительная тишина. Не поднимая глаз от текста, Люй Фэн физически ощущал на себе десятки сосредоточенных взглядов.

Он говорил о годах учебы в туманном Альбионе.

О возвращении на родину и кропотливой работе над мостом Юэцзян в стенах архитектурно-дизайнерской компании «Всея Душой».

О том, что пришел сюда ради одной цели — посвятить себя любимому делу и строить мосты там, где они нужнее всего его стране.

И еще потому, что...

—...я искренне, всем сердцем люблю каждый мост, возведенный на нашей земле.

Китай — колыбель мостостроения. Здесь, над бурными реками и глубокими ущельями, испокон веков высились рукотворные арки, соединяющие судьбы людей.

Лишь когда речь зашла о его страсти к инженерному искусству, из голоса Люй Фэна улетучились скованность и юношеская застенчивость. Голос его окреп, налился силой.

Он с упоением описывал исполинские конструкции, парящие над каменистыми безднами.

Мост Горы Шихан, изящно вписанный в ландшафт заповедной зоны и ставший органичным продолжением природы.

Большой мост Юйчуань, стальную артерию, сквозь которую на бешеной скорости летят поезда.

И, конечно же...

—...мост Извилистого залива. Именно он когда-то заставил меня бросить всё и вернуться домой.

При упоминании этого названия в голосе Люй Фэна зазвучали мягкие, почти ностальгические нотки.

Он знал: здесь его поймут без лишних слов. Каждый в этом заведении понимал, какая сила способна выдернуть человека из сытой заграничной жизни и вернуть на родину ради одного только шедевра инженерной мысли.

Ведь этот мост не просто перевернул представления мирового сообщества о возможностях китайских инженеров — он стал подлинным технологическим триумфом.

Любой сотрудник филиала до сих пор гордился своей сопричастностью к проектированию этой величественной стальной арки над Извилистым заливом.

И теперь Люй Фэн наконец-то занял законное место в рядах этих творцов.

И уже успел вписать собственное имя в славную летопись побед института.

Когда прозвучало финальное «Спасибо за внимание»...

...зал буквально содрогнулся от грохота рукоплесканий. Коллеги смотрели на него с неподдельной теплотой и гордостью.

Глядя на эти улыбающиеся лица, Люй Фэн вдруг осознал, зачем директор У так настаивал на этом выступлении. Искренность рождает отклик — именно на трибуне он перестал быть просто перспективным новичком и стал по-настоящему своим.

Только обнажив душу, можно было обрести истинное родство душ.

После планерки Люй Фэн наконец-то обрел постоянное рабочее место.

Его личный ноутбук, пухлые стопки чертежей и справочники, до этого кочевавшие по временным углам, заняли просторный письменный стол.

Не успел он разложить схемы моста Горы Черного Воробья, как к нему подошел директор У.

— Отставить работу, — с порога заявил У Инци. — Институт дает тебе официальный отгул на

несколько дней. Займись личными делами.

— А? — Люй Фэн, только что переживший прилив вдохновения, мысленно уже чертил опоры и готовился ночевать за монитором. Новость об отдыхе озадачила его. — Директор У, мне не нужны выходные. И никаких личных дел у меня нет.

Его сухой, упрямый отказ вызвал у директора добродушный смех.

— Как это нет? — хохотнул У Инци. — Институт командировывает делегацию в Лондон на две недели по приглашению Королевского института британских архитекторов. Твоя фамилия в списке под номером один. Отгул тебе положен исключительно для того, чтобы ты успел собрать пакет документов для визы. Заодно спишись со своими тамошними приятелями. Будет время между сессиями — повидаетесь, погуляете.

Выслушав директора, Люй Фэн замер, глупо хлопая глазами. Никакого бурного восторга, на который рассчитывал У Инци, не последовало.

Старший коллега полагал, что молодой специалист воспримет эту новость как триумфальное возвращение в Альма-матер — с гордо поднятой головой, предвкушая встречу с бывшими профессорами. А тот лишь растерянно моргал.

На лице Люй Фэна читалось крайнее замешательство.

У Инци недоуменно прищурился:

— В чем дело? Не хочешь лететь?

— Нет, конечно хочу, просто... — Люй Фэн замялся, подбирая слова.

В глубине души ему куда больше хотелось возиться со своими мостами на родине. Вздохнув, он мягко улыбнулся:

— Просто в расчетах по мосту Горы Черного Воробья еще есть шероховатости, я хотел доработать 3D-модель. А сбор бумаг для консульства займет от силы пару часов. Мне действительно не нужны выходные.

— Так я и знал! Потому и пришел лично, — У Инци напустил на себя грозный вид. — Со следующего года, когда начнется стройка, ты забудешь слово «отдых». Поездка в Лондон — это не развлечение. Во-первых, молодежи полезно вариться в международной академической среде. Во-вторых... ты последние полгода из института не вылезает! Наш дежурный на проходной уже легенды о тебе слагает: говорит, уходишь в два ночи, возвращаешься в шесть утра. Так что отгул — это не предложение, Люй Фэн. Это приказ руководства!

Голос директора звучал безапелляционно.

Люй Фэн давно привык к мягкой строгости наставника, но суровый тон услышал впервые.

Оправдания застряли в горле. Да и когда он работал в таком режиме? Ну бывало пару раз, но не каждый же день! Какой шутник из охраны так приукрасил действительность?..

— Вопросы есть? — строго осведомился У Инци, видя его нерешительность.

— Никаких, директор У. Все понял, — поспешно закивал Люй Фэн.

Уже к обеду весь институт гудел: главный трудоголик филиала, инженер Люй, для которого работа была вторым домом, впервые в жизни покинул рабочее место ровно под звон финального свистка.

Рабочий чат мгновенно взорвался лавиной сообщений. Коллеги, привыкшие в отсутствие горящих дедлайнов откровенно пинать балду, вздохнули с облегчением: «Аллилуйя! Наш монстр сверхурочных ушел домой!»

«Серьезно, я за ним три месяца слежу. Он раньше восьми вечера вообще пальто не надевает!»

«Когда утверждали ТЭО моста Горы Черного Воробья, мы даже пари заключили — уйдет ли Люй Фэн вовремя после сдачи проекта. Черт, я все деньги поставил на "уйдет" и проигрался в пух и прах!»

«Ха-ха-ха, сам виноват! Глядя, как пашет Инженер Люй, совесть не позволяет уходить вовремя. Каждый раз, когда звенит звонок, думаешь: "Куда я собрался? У меня же конь не валялся!"»

Спускаясь в метро в самый час пик, Люй Фэн чувствовал себя непривычно в этой плотной толпе спешащих домой людей.

Достав телефон, он заглянул в рабочий чат, куда его добавили только утром, и обомлел: все разговоры крутились исключительно вокруг его персоны.

Судя по переписке, в глазах коллег он выглядел безжалостным тираном, из-за которого вся контора стремительно теряла шевелюру от стресса.

Когда обсуждение докатилось до того, что «инженеру Люю срочно нужно свить теплое гнездышко, чтобы было ради кого уходить домой», Люй Фэн не выдержал и отправил в чат лаконичное:

?

Одинокий символ на экране подействовал как ушат ледяной воды.

Чат на секунду замер, а затем взорвался потоком неловких смайликов и хохота. Шум бурлящей толпы вокруг не мог заглушить ту неловкость, что повисла в виртуальном пространстве.

Но мостостроители были людьми простыми и отходчивыми. Никто и не подумал смущаться.

«Ой, совсем вылетело из головы, что ты уже с нами! Хе-хе-хе...»

«Короче, Инженер Люй, давай без фанатизма! Домой по звонку!»

Люй Фэн покачал головой и с улыбкой спрятал телефон в карман. Отвечать он не стал.

Кто бы мог подумать, что его личный трудовой запал так давит на окружающих. Теперь решение У Инци отправить его в принудительный отпуск обрело смысл. Его бешеный темп действительно загонял коллег в глухие рамки чувства вины. «Кажется, я знатно подпортил людям жизнь», — мысленно усмехнулся он.

После ужина в пустой квартире Люй Фэн почувствовал себя не в своей тарелке. Тишина и отсутствие привычного вороха задач угнетали.

Поняв, что мозг отказывается бездельничать, он включил компьютер и отыскал в недрах жесткого диска покрывшуюся пылью цифровую модель «Безмятежный пейзаж гор и вод». Стоило доработать пару блоков, чтобы потом показать проект Инь Ицяо.

Мысли о старшем соученике незаметно увели его на старый видеохостинг. И там Люй Фэн обнаружил, что совершенно позабыл об одном человеке. Личные сообщения от Зоттеля буквально ломились по швам.

С тех пор как он отправил музыканту файлы с рендером общественного центра, прошло почти семь месяцев. И все это время знаменитый композитор с маниакальным упорством присылал по весточке в день, терпеливо ожидая отклика.

[Зоттель]: «О великий мастер! Послушай новый трек для общественного центра, тебе точно зайдет! [ссылка]»

[Зоттель]: «Ладно, три дня молчания. Подозреваю, ты снова ушел в режим круглосуточного рабства на благо родины».

[Зоттель]: «Две недели... Ты занят или пароль от аккаунта забыл?»

[Зоттель]: «X число, X месяц. Солнечно. Великое Возвращение домой по-прежнему вершит государственные дела и игнорирует бреннй интернет».

Дружеские пинки постепенно превратились в подобие личного дневника.

Последнее сообщение, отправленное вчера, гласило:

[Зоттель]: «Сегодня в Австралии жуткий ливень. Меня внезапно накрыло вдохновением. Интересно, подойдет ли этот мотив для твоего города среди туманов и дождей?»

Люй Фэну стало невыносимо стыдно. Удивительное упорство: человек на другом конце света продолжал гореть чужой идеей, в то время как сам автор благополучно забросил проект. На фоне Зоттеля он выглядел бесчувственным сухарем. Пальцы быстро побежали по клавишам, набирая искренние извинения:

«Прости, пожалуйста! Последние полгода выдались просто сумасшедшими, я почти не вылезал из чертежей. Правда, не было возможности зайти на сайт».

Подготовка к конкурсу в Государственный институт, сбор портфолио, стажировка, а затем бесконечные бессонные ночи над проектом моста Горы Черного Воробья — все это поглотило его без остатка. Лишь изредка он позволял себе обсудить концепцию традиционного ландшафтного урбанизма с Инь Ицяо, чтобы хоть немного перевести дух. О существовании иностранного друга, блестяще говорящего по-китайски и пишущего музыку для его проекта, он даже не вспоминал.

Пролистав длинную ленту сообщений, Люй Фэн понял, что его проект подтолкнул Зоттеля к удивительным переменам в жизни.

Музыкант выбирался в глухие леса и писал: «Здесь потрясающие скалы и водопады. Идеальное место, чтобы посадить туда твое здание».

Бродил по океанскому побережью: «Слушай, а твоя концепция гор и вод включает в себя морские просторы?»

Выезжал в бескрайние степи: «Ума не приложу, как вписать твою эстетику в этот плоский горизонт. Но мелодия в голове крутится сумасшедшая».

Вместе с этими строчками Люй Фэн словно сам совершил путешествие по самым живописным уголкам Австралии.

Казалось, этот эксцентричный творец черпал силы исключительно там, где еще не ступала нога застройщика.

Заглянув на страницу Зоттеля, Люй Фэн обнаружил, что обложки его новых треков пестрят сочными пейзажными кадрами. Да и сама музыка явно претерпела глубокую эволюцию.

Люй Фэн отыскал вторую часть видео «Безмятежный пейзаж гор и вод», выложенную полгода назад. Нажав на воспроизведение, он погрузился в чарующие звуки и одновременно набрал сообщение:

«Твои композиции дарят потрясающее чувство свободы. Если хочешь, давай перейдем в WeChat, там общаться удобнее».

Не успел он отправить текст, как телефон в руке коротко завибрировал. Пришло уведомление: «Пользователь Зоттель хочет добавить вас в друзья».

Такая скорость поразила Люй Фэна. Стоило нажать «принять», как экран расцветил новый диалог.

[Зоттель]: «QAQ Ну что, о великий мастер, как тебе новый саундтрек?»

Этот забавный смайлик мгновенно стер разделявшие их месяцы молчания.

Люй Фэн с улыбкой напечатал:

«Как раз слушаю».

На мониторе компьютера вновь раскинулось футуристическое здание общественного центра, выстроенное прямо у кромки воды. Но теперь картинку сопровождал совершенно иной звуковой ряд.

С первых секунд Люй Фэн отчетливо различил хлопанье птичьих крыльев — настолько близкое, будто пернатые взлетали прямо у него за спиной.

Камера медленно плыла сквозь величественные своды главного входа.

Под шелест колышущейся листвы и тихий шорох травы звуки дикой природы постепенно смешивались с глухим гулом человеческих голосов, шумом бурлящего водопада и... едва уловимым, чарующим перебором струн.

Это не был благородный рояль или пронзительная скрипка. Звучал традиционный китайский

цинь. Прозрачные, глубокие вибрации рождались под подушечками пальцев, скользящих по шелковым нитям.

Люй Фэн слушал, затаив дыхание, пораженный этой тонкой переменной.

В самый первый раз Зоттель пытался оглушить слушателя мощью оркестрового крещендо, искусственно нагнетая пафос масштабного строительства.

Теперь же казалось, будто сама архитектура дышит и поет. Звуки природы не заглушали музыку — они были ее плотью.

А неспешный перебор струн рождал образ отшельника, уединившегося в туманных горах и безмятежно перебирающего лады старого инструмента.

Никакой фальши, никакой вычурной аранжировки.

Всего одна минута. Совсем немного.

Но в этот хронометраж Зоттель умудрился вместить истинную философию концепции. Шелест листвы и гул воды вели основную партию, мирские голоса то приближались, то отдалялись, а зыбкий мотив струн сшивал воедино этот ускользающий мир.

Даже спустя полгода Люй Фэн вынужден был признать: эта работа восхитительна.

Он никогда не противился музыке как таковой — он лишь не терпел, когда она пытается затмить собой форму.

Он отправил искреннее сообщение:

«Это потрясающе. Спасибо тебе. Именно так я и представлял себе гармонию гор и вод».

[Зоттель]: «Я счастлив, что тебе понравилось! Твоя визуализация подарила мне столько эмоций, что их не передать словами. Так что никаких "спасибо" — это я твой должник».

Экран быстро заполнялся новыми строчками. Беседуя с далеким собеседником, Люй Фэн чувствовал удивительное тепло.

Как выяснилось, до знакомства с проектом Зоттель переживал глубочайший творческий кризис.

Ему казалось, что его мастерство зашло в тупик, превратившись в бездушное ремесло.

Ни восторги коллег из оркестра, ни одобрение продюсеров не могли заглушить грызущее чувство внутренней пустоты.

[Zottel]: «Твой проект словно живой. Он выдернул меня из рутины и перенес в другую реальность. Там нет фальшивых эффектов и лишнего шума — всё предельно просто и чисто. Благодаря тебе я снова обрел себя».

По правде говоря, рядовые подписчики Зоттеля не оценили этот эксперимент. Многие ворчали, что в ролике нет привычной мелодии — сплошной шум ветра да крики птиц.

Но самому композитору было плевать. Он чувствовал себя абсолютно счастливым, катаясь по заповедникам и собирая новые созвучия.

Люй Фэн ничего не смыслил в музыкальной грамоте, но прекрасно понимал каждое слово собеседника.

Когда-то он сам метался в тисках академических канонов, пока перед его глазами не вырос мост, ставший глотком свежего воздуха и подаривший свободу творчества.

Тихо рассмеявшись, Люй Фэн быстро набрал:

«Поздравляю тебя! Я уверен, что твои новые вещи звучат просто невероятно».

Они проболтали несколько часов, легко перескакивая с законов акустики на сопротивление материалов.

Удивительно, но два человека из совершенно разных миров находили точки соприкосновения там, где, казалось бы, общего быть не могло.

Анонимность сети раскрепощала: не нужно было взвешивать слова, подстраиваться под чужие ожидания или бояться быть непонятым.

Мысли, вложенные в «Безмятежный пейзаж», вернулись к нему в виде чистой созидательной энергии, смыв накопившуюся за день усталость.

Стрелки часов давно перевалили за полночь, когда Зоттель написал:

[Зоттель]: «Если в Китае действительно строят такие города, я обязан приехать и увидеть это своими глазами».

Люй Фэн с законной гордостью ответил:

«Дружище, ты так здорово пишешь и говоришь по-китайски, но до сих пор не понял самого главного. Нашей стране не нужен футуристический проект, чтобы поразить твое воображение. Китай прекрасен сам по себе».

Величественные хребты и бескрайние равнины, седые приливы океана и изумрудные холмы... Земля, на которой тысячелетиями бурлит жизнь, не знающая увядания.

<http://bllate.org/book/20104/2003816>